

После того дня Эвелин намеренно воздерживалась от встреч с Айлеем.

Айлей также немного отступил, чтобы не давить на нее, так как заметил, что его избегают.

Пользуясь случаем, Эвелин не торопилась убираться.

Конечно, кофейню и дом нельзя было продавать.

Все это было потому, что в момент продажи Айлей наверняка заметил бы перемены в жизни Эвелин.

«Ну, в любом случае, это не так уж выгодно будет для продажи».

Подумав так, Эвелин горько улыбнулась.

Ей также пришло в голову, что было бы лучше оставить дом для будущего Бьянки. Однажды Бьянке может понадобится место, которое она сможет назвать домом.

Деньги, которые остались от бабушки герцога, остаются, так что не составит труда сразу же рассчитаться.

Итак, однажды на рассвете, когда тьма рассеялась, Эвелин внезапно огляделась, крепко держа Бьянку за руку.

Бьянка: «...»

Воспоминания, которые она накопила, окутали ее.

Бьянка поселилась в этом доме сразу после своего рождения.

Хотя другим он казался убогим, это был дом, полный воспоминаний о матери с дочерью.

Цветы с колокольчиками на небольшой клумбе, сад, в котором они часто играли.

На стене виднелись отметины, по которым Эвелин каждые полгода отмечала рост своего ребенка, чтобы посмотреть, насколько выросла Бьянка.

Руки Эвелин и Бьянки соприкоснулись. Затем Бьянка наклонила голову и задала вопрос.

— Мам, ты разве не идешь?

Глядя на Бьянку, Эвелин мягко улыбнулась.

— Нет, нам нужно идти. Держись...

Она заперла входную дверь, достав ключ из кармана.

Держа ребенка за руку, она направилась к повозке.

Был такой ранний час, что окрестности были тихими и пустынными.

Кучер, который курил сигарету, прислонившись к сиденью, оглянулся на мать с дочерью.

— Вы собираетесь войти?

Прислушиваясь к голосу, Эвелин была очарована кратким ощущением дежавю.

В прошлом, когда она была беременна и уезжала на запад Империи, она слышала тот же самый вопрос, который только что слышала сейчас от всадника.

«Вот так я снова оставляю Айлея».

Это внезапно пришло в голову Эвелин.

Быстро усадив Бьянку в карету, девушка кивнула.

— Да, поехали!

Через некоторое время кучер тоже сел, готовясь к поездке.

Эвелин обняла дочь. Карета тронулась.

Чувствуя вибрацию регулярно раскачивающейся кареты, Эвелин изо всех сил старалась подавить свои тоскливые мысли.

Итак, мать и дочь покинули город Аннет.

Это было еще одно прощание.

Три месяца спустя, острова Хильдесхайм.

В живописном пейзаже, несравнимом с городом Аннет, мать и ребенок быстрым шагом пересекли хорошо уложенную дорогу.

Красивая женщина с темными волосами вместе с ребенком со светлыми волосами, которых можно было узнать издалека.

Этими двумя были Эвелин и Бьянка.

— Биби, если ты не поторопишься, то опоздаешь.

По настоянию матери Бьянка быстро топала своими короткими ножками.

Светлые волосы, заплетенные в косички, весело развевались.

Глядя на свою дочь в желтом жакете и белой плиссированной юбке, Эвелин преисполнилась гордости.

Ведь Биби была одета в школьную форму Полины Катчер.

«Как же трудно было устроить Биби в школу Полины...»

Глаза Эвелин внезапно потускнели, размышляя о прошлом.

Школа «Полины» также была хорошо известна, обычно ее посещали дети из состоятельных семей.

Слишком высокий порог для Бьянки, почти плебейки, подавленной аристократки.

Так что Эвелин пришлось много работать, чтобы Бьянку туда взяли.

«Даже дети из аристократии, кажется, скучают».

Аристократы отправляют туда своих детей, чтобы они лучше развивали свои социальные навыки.

Хотя обычно у таких детей дома есть репетитор.

«Я не могу сделать это для тебя, но...»

Глубоко сожалея, Эвелин взглянула на Бьянку. Но как только она встретилась взглядом с матерью, Бьянка просто улыбнулась.

— Мама, я скоро вернусь.

Через некоторое время Бьянка ласково попрощалась с матерью. Они уже подошли к школе.

Перед причудливым зданием, которое не шло ни в какое сравнение со школой, которую они ранее посещали в городе Аннет, выстроилось несколько роскошных карет.

Конечно, они были хуже, чем карета Айлея...

— О, они хуже, чем карета дяди Айлея.

Бьянка была удивлена и быстро бормотала.

Каждый раз, когда поднималась тема об Айлее, лицо Эвелин становилось чернее тучи.

Эвелин наклонилась и пару раз погладила Бьянку по голове.

— Счастливого пути, Биби.

— Да!

Восторженно крикнув и кивнув, Бьянка снова и снова махала рукой, идя в сторону детского сада.

Понаблюдав за ней некоторое время, Эвелин вдруг огляделась.

Она тяжело вздохнула, чувствуя, что у нее кошки на душе скребут.

«Если подумать, вокруг никого нет».

Это было потому, что большинство детей из школы были из обеспеченных семей.

Они считали само собой разумеющимся ездить в экипаже по соображениям безопасности, но Бьянка...

Эвелин: «...»

Выражение лица Эвелин было мрачным.

Однако, если бы о Бьянке заботились до тех пор, пока она не станет взрослой в будущем, каждый пенни, отданный бабушкой герцога, не мог быть потрачен впустую.

Плата за обучение в Императорской школе Хильдесхайма была несравненно выше, чем в школе «Полины».

Кроме того, фактическая сумма необходимых денег была бы огромной.

«Я не могу просто продолжать так думать».

Эвелин уже устала от навязчивых мыслей, которые бессмысленно крутились в ее голове, а волнение не сходило с плеч.

Кроме того, было ясно, что могла сделать Эвелин.

Открыть кофейню.

Когда на Линтен-стрит впервые открылась небольшая компактная кофейня, люди даже не подозревали о ее существовании.

Это было связано с тем, что Линтен-стрит больше использовалась простолюдинами, чем аристократами, поэтому магазины, в которых пили кофе и расслаблялись, пользовались низким спросом.

Когда кофейня только открылась, люди думали, что она быстро закроется.

Но в течение нескольких месяцев кофейня была жива и здорова.